

Я. Я. Кожурин

Г. В. ПЛЕХАНОВ О ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ НАУКИ И РЕЛИГИИ

В ходе исторического развития наука, по Плеханову, постепенно оттесняет религию со всех ее позиций в объяснении явлений природы и общества. Еще французские материалисты XVIII в. остроумно заметили, что как только наука делает шаг вперед, так бог сразу же отступает на шаг назад.

Однако расширение области опыта, отмечал Плеханов, не ведет автоматически к сужению области религии. Это связано в первую очередь с классовым назначением религии. Буржуазия, с одной стороны, заинтересована в развитии науки, так как она играет большую роль в процессе производства, а с другой — в сохранении религии как «узды» для народа. И вот тогда-то на выручку религии приходит буржуазная философия, проповедующая мир с религией. С наибольшей силой это стремление обнаружилось в учениях агностического толка: неокантианстве, позитивизме и прагматизме. Поскольку буржуазия заинтересована в развитии науки, агностицизм, отмечал Плеханов, служил для развития буржуазного естествознания теоретической формой «стыдливого материализма». Странники этого учения говорили, что они не могут знать, существует ли какой-нибудь бог, но если даже он и существует, то всякое общение с людьми для него невозможно, а значит, люди должны строить свою практику так, как будто его не существует. Но, поскольку буржуазия заинтересована в сохранении религии для народа, ее идеологи стремились к ограничению прав разума, науки в пользу веры, выступали, по выражению Плеханова, в качестве «бессознательных и трусливых» идеалистов в теории познания.

Весь смысл агностических течений, по Плеханову, заключался в «консервативном стремлении согласить успехи новейшего естествознания со старым религиозным преданием, или, чтобы выразиться точнее, примирить молельню с лабораторией».¹ Французский профессор медицины и философии Ж. Грассэ прямо заявлял, что можно, не противореча себе, переходить последовательно из лаборатории в молельню. Это изречение на все лады повторяли буржуазные профессора. В 1902 г. французский философ-неокантианец Ж. Сури даже написал статью «Молельня и лаборатория», в которой «обосновывал» эту мысль. Главная мысль всех этих течений, по Плеханову, может быть выражена изречением немецкого физиолога Дюбуа-Реймона: «Не знаем и не будем знать». Так, английский философ-позитивист Г. Спенсер, пытаясь обосновать религию посредством агностицизма, утверждал, что основанием для примирения науки и религии может служить тот достоверный факт, что сила, проявляющаяся для нас во Вселенной, со-

¹ Г. В. Плеханов. Избр. филос. произв., т. V. М., 1958, стр. 712.

Дом Плеханова
№ 3146 - ОТТ
ИНВ. КН. N2

вершенно непознаваема. По Спенсеру, само развитие науки сталкивает ученых с неразрешимыми тайнами и тем самым подводит к религии. Тайна, по его мнению, — последний шаг науки и первый шаг религии. «Я полагаю, что объектом религиозного чувства, — писал Спенсер, — всегда останется то, что было им всегда и раньше, а именно неизвестный источник бытия».² Но, поскольку, по Спенсеру, человек всегда будет чувствовать себя в присутствии «бесконечной и вечной энергии, источника всего сущего», постольку объект религии вечен. На это Плеханов резонно ответил, что это, конечно, так, но почему он должен олицетворять эту бесконечную энергию, этот источник всего сущего? А только при этом условии и может наука стать предметом религиозного поклонения. Наука, по Спенсеру, познает только чувственно воспринимаемые явления и останавливается на пороге познания сущности. Материя, движение и сила, поскольку они не воспринимаются непосредственно нашими чувствами, а значит, и являются непознаваемыми, — только символы каких-то неведомых реальностей. Поскольку непознанное всегда будет, рассуждал Спенсер, постольку всегда будет и религия.

По поводу этих рассуждений Плеханов писал: «Непознанное всегда будет. Но почему мы будем его *боготворить*? Оно будет предметом гипотез, но не религиозного поклонения. Спенсер называет *религиозной мыслью*, которая занимается тем, что недоступно чувствам. Но это отчасти наука или, если хотите, философия».³

Действительно, наука не является просто суммой тех или иных истин в конечной инстанции, а представляет собой живой, непрерывный процесс познания объективного мира. Любая научная картина мира не является истиной в последней инстанции, а представляет собой сумму знаний и заблуждений, которые являются как бы оборотной стороной любого знания, своеобразной временной формой «знания о незнании». Изменение этого «знания о незнании» является неизбежным процессом, неизменно сопутствующим научному познанию объективного мира.

Защитники религии, используя то обстоятельство, что система знаний о мире неизбежно включает в себя заблуждения, упрекают науку в недостоверности и непостоянстве.

К сожалению, некоторые ученые, не понимая диалектики познания, под впечатлением успехов той или иной теории готовы объявить ее «окончательной» и «всеобъемлющей». Так, например, авторитетнейший физик Томсон, выражая господствовавшие среди ученых в конце прошлого — начале нашего века настроения, провозгласил физическую картину мира в основном завершенной, а математик Пуанкаре констатировал с удовлетворением, что в математике наконец-то достигнута «абсолютная строгость». И в настоящее время некоторые физики высказывают мнение, что современная физика все основные законы природы (за исключением лишь закономерностей в микромире) уже открыла. Так, известный физик Р. Фейнман утверждает, будто «нам необыкновенно повезло, что мы живем в век, когда еще можно делать открытия». Очень скоро, по его мнению, наступит время, когда «все станет известным или дальнейший поиск окажется очень нудным». Психологически это объяснимо. Людям хотелось бы надеяться, что наступит время, когда наконец все «проклятые» вопросы получат исчерпывающий ответ или хотя бы «в основном» будут решены.

² Цит. по: И. С. Нарский, Л. Н. Суворов. Позитивизм и механическая ре-
визия марксизма, М., 1962, стр. 18.

³ Г. В. Плеханов. Избр. филос. произв., т. III. М., 1956, стр. 62.

Но любая теория, какой бы всеобъемлющей она ни была, всегда имеет границы своей применимости. Применение же ее за этими границами неизбежно ведет к заблуждениям. Абсолютизация какой бы то ни было теории ведет к абсолютизации и соответствующих ей заблуждений. А это всегда является пищей для религии.

На любом уровне развития науки наши знания об объективном мире будут представлять лишь маленький островок в бесконечном океане непознанного, неизвестного, неизведанного. Путь познания — дорога без финиша. Трудности, связанные с объяснением явлений, вновь открываемых, и новых черт явлений, уже известных, будут существовать всегда. При желании можно рассматривать как проявление сверхъестественных сил все неизвестное, необъяснимое. И тут все зависит, отмечал Плеханов, от мировоззрения того или иного конкретного человека: будет ли он из этих трудностей делать теологические выводы или нет. Так, красота и величественность природы порождают пантеистическое чувство единства человека с природой, побеждающее боязнь смерти, у поэта Шелли и философа Фейербаха и, наоборот, обостряют чувство ужаса перед смертью у Л. Н. Толстого.

Широкое распространение в конце XIX — начале XX века получило воскрешенное и поданное под новым соусом старое учение о «двойственной истине», которое понадобилось не для защиты науки, как это было в средние века и в эпоху Возрождения, а для защиты веры и мистики. Плеханов назвал этот поворот в буржуазной философии «схоластикой XX века». Такова ирония судьбы. Для такого поворота существовали социальные причины. Ведь защитниками «схоластики XX века» были идеологи падающего общественного класса, а каждый общественный класс, отмечал Плеханов, защищает себя как может и пока может.

Рассматривая взаимоотношение религии и науки, Плеханов показал несостоятельность попыток профессора богословия О. Пфлейдерера, историка философии Дж. Льюиса, философов-идеалистов Э. Бутру и Г. Геффдинга, пророка «неохристианства» Н. Бердяева, ревизиониста В. Базарова и других апологетов религии добиться гармонического сочетания науки и религии путем примирительного размежевания их областей. Он отметил и подчеркнул для критики несостоятельные утверждения Базарова о том, что, поскольку религия и наука вращаются в совершенно различных плоскостях (наука — в области «эмпирических феноменальностей», религия — в сфере «мистических переживаний»), постольку «никакого конфликта между этими двумя одинаково правомерными культурными ценностями нет и быть не может»;⁴ Пфлейдерера, что религия не может мирно сожительствовать не с самой наукой, а лишь с «атеистическим мировоззрением науки», что компетенцией науки является причинное объяснение связей конечных вещей и явлений, а религия — «внутренняя жизнь» людей, которая якобы «совершенно не зависит от истин науки и имеет самодовлеющую ценность»;⁵ Бердяева, что «между самой мистической религией и самой позитивной наукой не может существовать никакого антагонизма»;⁶ Геффдинга, пытавшегося перевести содержание религии в область человеческой психики, заявлявшего, что исследование человеком «своей собственной жизни» не может быть научным.⁷

⁴ Э. Бутру. Наука и религия в современной философии. Предисловие В. Базарова. СПб., 1910, стр. 5; Библиотека Дома Г. В. Плеханова (далее БДП) Б 3724.

⁵ О. Пфлейдерер. О религии и религиях. СПб., 1909, стр. 45; БДП, Б 3697.

⁶ Сб.: Вехи. М., 1909, стр. 11; БДП, А 2467.

⁷ Г. Геффдинг. Философия религии. СПб., 1912, стр. 269. БДП, Б 3645.

Характеризуя подобные рассуждения как «совершенно неосновательные», Плеханов отмечал, что всегда бывает так, когда не хватает теоретических аргументов в пользу религии, ее защитники обращаются к эмоциональным и инстинктивным мотивам веры. Еще Тертуллиан, уводя религию из-под ударов разума и науки, заявлял, что «нам после Христа не нужна никакая любознательность; после Евангелия не нужно никакого исследования». Величайшая добродетель, с его точки зрения, заключается именно в том, чтобы верить слепо, верить вопреки даже разуму: «Верую, потому что нелепо».

Критикуя подобные взгляды, Плеханов отмечал, что для познания внешнего мира и «внутренней жизни» людей вовсе не нужно заводить «двойную бухгалтерию». Это может сделать наука и без помощи религии. И. М. Сеченов, набросавший контуры рефлекторной теории, И. П. Павлов и его школа, разработавшие метод условных рефлексов, вторгнувшись в область изучения «внутренней жизни» естественнонаучными методами и открыли основные законы высшей нервной деятельности и тем самым освободили и эту область от мистики и суеверий.

Плеханов вслед за А. И. Герценом считал, что «честный союз науки с религией не возможен», а поскольку такой союз в буржуазной науке существует, то он вызван практически не бескорыстными целями. Известно, что Бердяев впоследствии сам признавался, что его практической программой было «остановить движение масс». Плеханов убедительно показал, что, примиряя науку с религией, идеологи буржуазии подчиненную роль отводили науке.

По Плеханову, наука и религия — это две различные формы общественного сознания, находящиеся в извечном антагонизме. Наука и религия противоположны как по своему содержанию, методу подхода к действительности, происхождению, так и по той социальной роли, которую они призваны играть.

Вслед за Энгельсом Плеханов считал, что наука и религия имеют один и тот же объект отражения (природу и общество), но отражают его по-разному. Наука отражает объективный мир истинно, помогает людям ориентироваться в нем, покорять силы природы, преобразовывать действительность. Религия же отражает его в «обратном виде», превратно, фантастически, дезориентируя и обезоруживая тем самым людей в борьбе с силами природы. Главным признаком научного отношения является понятие о законосообразности явлений природы и общественной жизни. Религия видит в них лишь проявление воли сверхъестественных сил. «Научное отношение к явлениям природы, — писал Плеханов, — невозможно там, где для их объяснения люди апеллируют к богу, к черту, к „Духу“ или вообще к какой-нибудь силе, стоящей вне природы и могущей по своему произволу остановить действие ее законов».⁸ На все почему, конечно, можно сослаться на божественное провидение. Но такой ответ ничего не может прибавить к опыту человека, никак не может повлиять на исход его борьбы с окружающей природой. Плеханов связывал развитие научного познания и культуры с практикой, с материалистическим взглядом на природу. Познание мира возможно только на материалистической основе. Отвечая тем, кто пытался спекулировать на положении, что многие открытия были сделаны либо верующими учеными, либо идеалистами, он писал, что это могло произойти по той простой причине, что «в своей лаборатории каждый естествоиспытатель поневоле делается материалистом».⁹

⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V. М., 1938, стр. 202.

⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XX. М.—Л., 1925, стр. 35.

Плеханов считал неверным взгляд А. Паннекука, что якобы «религией исчерпывалось все мировоззрение прежних поколений» до эпохи капитализма.¹⁰ Зачатки научных знаний зародились у людей еще в условиях первобытного общества. Элементарные знания о мире возникли у первобытных людей в ходе их практической борьбы с природой. Наука и в дальнейшем своем развитии остается тесно связанной с практикой. Ее уровень развития в конечном счете определяется развитием практики. Наука отражает господство людей над силами природы. Религия — порождение бессилия людей перед окружающим миром, отражение неразвитости практики, неумения овладеть стихийными природными и общественными силами. Если бы человек в своей практической жизни руководствовался только религиозными представлениями, он просто не смог бы выжить.

Критикуя несостоятельность взглядов апологетов религии, ставящих развитие познания в зависимость от веры, Плеханов противопоставил им материалистическое объяснение происхождения и развития познания. С этой целью он показал социальные причины, обусловившие развитие практики и познания, выяснил, когда началось влияние собственно религиозных представлений первобытных людей на их мышление и каково следствие этого влияния, исследовал процесс исторического развития науки и ее борьбы с религией.

Плеханов отмечал, что люди выделились из животного мира и достигли успехов в овладении силами природы благодаря труду. Если изменения в животном мире происходят лишь в силу стихийных биологических процессов под влиянием изменения естественных условий их существования, то человек не пассивно приспосабливается к природе, а активно воздействует на нее, преобразует ее, отвоевывая то, что необходимо для удовлетворения его жизненных потребностей. Рост потребностей человека является основным стимулом развития его практики и мышления. Без потребностей, подчеркивал Плеханов, человек не имел бы стимула к действию. На основе материальных потребностей и совершенствования способов их удовлетворения складывались и развивались духовные интересы людей. Существенным моментом при этом явилось то, что человек целенаправленно создавал предметы своих потребностей, в результате чего складывались сложные взаимоотношения людей, проявляющиеся прежде всего в разделении трудовых функций. Разделение же трудовых функций между людьми при добывании средств существования, их коллективистский образ жизни вызвали развитие членораздельной речи, которая обеспечила возможность передачи и накопления опыта от поколения к поколению.

Исследуя влияние религиозных представлений на познание, Плеханов показал их отрицательную роль. Он считал «очень важным» высказывание М. Гюйо, что «чувство воображаемой зависимости от сверхъестественных сил усиливало реальную зависимость человека от природы»,¹¹ так как, зовя на помощь богов и фетишей, люди напрасно тратили свой труд и время. Он отмечал, что уже в магии появляется туман, который мешает отличить то, что происходит в голове человека, от того, что совершается в действительности, вследствие чего человек смешивает объективное и субъективное. В анимизме этот туман становится еще гуще. Однако, несмотря на это, под влиянием практической необходимости мышление человека развивается и знания растут. В магических действиях первобытный человек воспроизводил накопленные им трудовые навыки, используя эмпирические знания. С воз-

¹⁰ А. Паннекук. Социализм и религия. СПб., 1906, стр. 9. БДП, Б 3693.

¹¹ М. Гюйо. Безверие будущего. СПб., 1908, стр. 78. БДП, Б 3650.

никновением анимизма мышление человека становится противоречивым: с одной стороны, оно на основе развивающейся практики обогащается действительными знаниями, связано с объективным методом объяснения явлений, а с другой — включает субъективный метод объяснения, связанный с анимизмом. В опоре магии на силу практического опыта видел Плеханов антианимистическую тенденцию в развитии сознания первобытных людей. Он отмечал, что в магии первобытный человек видит не только средство для достижения практической цели, но и средство ограничения власти богов. Маг апеллировал к необходимости для того, чтобы повлиять на произвол богов. То же присходит и в новейших цивилизованных обществах, где «рядом со стремлением к ограничению королевской власти возникает склонность к „натуральной религии” и к деизму, т. е. такой системе представлений, в которой власть бога со всех сторон ограничивается законами природы. Деизм есть небесный парламентаризм».¹² Даже там, отмечал Плеханов, где человек воображает себя рабом своего бога, в культе всегда отводится место магии, т. е. действиям, имеющим целью вынудить богов к известным услугам. Но в магии полезные практические действия отнесены на задний план; на переднем плане выступают сверхъестественные силы. Вот почему Плеханов не соглашался с Фрэзером, считавшим магию естественным первобытного человека.

Особенно ярко проявилась реакционная роль религии по отношению к науке в эпоху средневековья, когда подавлялась всякая попытка научного мышления. Преследование ученых инквизицией, костры, на которых заживо сгорели Сервет, Бруно, Ванини, Лыщинский и много других ученых, уничтожение библиотек (Плеханов разделял мнение Мильтона, что «убить хорошую книгу — то же, что убить хорошего человека»)¹³ — вот истинное лицо религии и церкви. Современные богословы в настоящее время стараются скрыть, либо смягчить эти, компрометирующие религию, факты. Так, профессор Московской духовной академии А. И. Иванов пытается представить дело таким образом, что христианская вера якобы никогда не отрицала необходимости и пользы знания, науки, а случаи преследования некоторых ученых на Западе во времена средневековой инквизиции были якобы проявлением фанатизма отдельных лиц и папского властолюбия.¹⁴ Единомышленником православного богослова в этом вопросе является председатель совета и постоянный секретарь генеральной ассамблеи пресвитерианской церкви в США д-р Юджин К. Блейк, который также пытается свалить вину за преследование ученых на римско-католическую церковь.¹⁵

Однако, несмотря на варварскую жестокость церкви в борьбе со свободомыслием, антирелигиозная тенденция брала свое. Однажды вкусив от запретного плода, человек не мог уже удержаться, чтобы не вкушать от него постоянно. И «если он по старой привычке и продолжает верить во всемогущество бога, — писал Плеханов, — то его вера принимает уже другой характер: бог отходит назад, так сказать, за кулисы мира, а на первый план выступает природа с ее вечными, железными, неизменными законами».¹⁶ Если магия и фетишизм не оставляют никакого места законосообразности в природе, — дикарь, стоящий на их точке зрения, предполагает, что «ход вещей» ежеминутно

¹² Г. В. Плеханов. Избр. филос. произв., т. III, стр. 363.

¹³ Цит. по кн.: В. Н. Сперанский. Общественная роль философии. СПб., 1913, стр. 139. БДП, Б 3739.

¹⁴ Журнал Московской патриархии, 1956, № 5, стр. 66—67.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Г. В. Плеханов. Избр. филос. произв., т. I. М., 1956, стр. 460.

может быть нарушен вмешательством волшебника, — то монотеизм, хотя и приписывает богу установление законов природы, в то же время признает также, что «ход вещей» определяется раз навсегда установленными законами. Этим он отводит широкое место науке.

Причины живучести религиозного мировоззрения в классовом обществе, по Плеханову, обусловлены, во-первых, медленным развитием естествознания, вследствие чего религия медленно сдает свои позиции; во-вторых, потому, что наукой, философией и литературой занимаются представители господствующего класса, которые «далеко не всегда заинтересованы в том, чтобы бороться с элементом „фантазии“». Напротив, они нередко стремятся упорчить этот элемент для сохранения выгодного им общественного порядка.¹⁷

Если религия неохотно сдает свои позиции в области естественных наук, то еще неохотнее она это делает в области наук об обществе. История мысли показывает, отмечал Плеханов, что понятие о законосообразности явлений природы усваивается людьми раньше и легче, чем общественных явлений. После того как наука прочно завоевала позиции в области объяснения явлений природы, теология еще долго господствовала в области объяснения явлений общественной жизни. Даже французские материалисты XVIII в. были весьма далеки от признания законосообразности в общественных явлениях, оставались теологами в этой области. Плеханов называл теологическим периодом в развитии социологии тот период, когда господствовали воззрения, согласно которым социальные явления могут быть изменены в результате действия одного или нескольких лиц, держащих «кормило правления». «Как в природе во время господства этого периода в естествознании, все явления объяснялись волею одного или нескольких божеств, — писал Плеханов, — так и в обществе ход его развития предполагался зависящим исключительно от влияния законодательной власти».¹⁸

Лишь Марксу и Энгельсу удалось преодолеть теологический взгляд на историю общественных явлений, поставить социологию на научную основу. Поэтому материалистическое понимание истории, разработанное ими, Плеханов оценивал как одно из величайших завоеваний теоретической мысли. С появлением этого учения люди увидели, что не бог и не великие люди, а сами они являются творцами истории.

Борьба Плеханова с попытками апологетов религии примирить науку с религией имеет не только исторический интерес, но не потеряла своего значения и актуальности и в наши дни, так как такие попытки имеют место и в настоящее время.

Summary

The article analyses the speeches of Plekhanov against the attempts of the bourgeois ideologists of the end of the 19th century — beginning of the 20th century to reconcile science and religion by way of delimitation of their spheres of competence. These attempts found their greatest expression in agnostic teachings: neokantian, positivism and pragmatism. From Plekhanov's point of view there is no basis at all for such reconciliation. Science and religion are different forms of social consciousness, which are completely opposite in their content, method of approach to reality, genesis as well as in their social purpose.

¹⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV. М.—Л., 1927, стр. 61.

¹⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. I. М.—Пг., 1923, стр. 56.